

L.A. Ivanova. N.N. Michoutouchkine and the Exhibition “Ethnography and the Art of Oceania” (Toward the 80th Anniversary)

Keywords: Michoutouchkine, Mishutushkin, Oceania, Vanuatu, painter, collector, social activist

The article discusses the milestones of life and career of Nicolai Michoutouchkine, a French painter, traveler, collector of art and objects of native peoples of Oceania, designer of decorated clothing, organizer of traveling exhibitions, *chevalier et officier de l'Ordre des Arts et Lettres*, and *chevalier de l'Ordre du Mérite national*. October 5, 2009, has marked his 80th anniversary.

Over the past 30 years Michoutouchkine's exhibition activities have been recurrently connected to Russia, where his ancestors had been born, and first and foremost to the Academy of Sciences of the USSR (now the Russian Academy of Sciences), under the auspices of which he organized 14 exhibitions, and to the various subdivisions of which he gave 100 ethnographic objects from Oceania.

The activities of Michoutouchkine, who resides in the Republic of Vanuatu, have been always instrumental in strengthening the link between Russia's scholars and the countries of Oceania.

ЭО, 2010 г., № 2

© Р.И. Якупов

**КАК ОСМЫСЛИВАЛАСЬ
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ
(памяти Р.Г. КУЗЕЕВА)**

Ключевые слова: Р.Г. Кузеев, этнос, этногенез, башкиры, тюрки, финно-угры, славяне, Волгоуральский историко-культурный регион, миграции, взаимодействие, этнические процессы

В начале января 1999 г. Музей археологии и этнографии Уральского научного центра РАН был полон хлопот. Все возбужденно готовились к юбилею учителя – Раиля Гумеровича Кузеева. Каждый делал то, что мог и умел, и хотел отличиться! Оргкомитет по подготовке и проведению юбилея, который возглавлял председатель Президиума УНЦ РАН, акад. Р.И. Нигматуллин, памятуя о том, что я в то время читал курс лекций по методологии и историографии России, поручил мне подготовить статью, но не юбилейную оду, а именно историографическо-аналитическую. Я постарался сделать это в меру возможностей. В ходе работы я перечитывал работы Кузеева, знакомился с материалами, имел с юбиляром неоднократные длительные беседы как на бытовые, так и на научные темы. Раиль Гумерович давал мне документы из собственного архива и, если у меня возникали какие-либо вопросы, комментировал некоторые из них. Поэтому произведенный историографический анализ был достаточно прочным и, признаться, я полагал, что этот материал хорошо отразит вклад Р.Г. Кузеева в этнографию Евразии в целом и Башкортостана в частности.

Статья была опубликована в “Вестнике Академии наук Республики Башкортостан” среди воспоминаний друзей, поздравительных эссе и прочих подходящих случаю публикаций. Поэтому материал, который я пытался осмыслить и оценить, соблюдая классические принципы историографического анализа, не достиг цели, да и круг читателей, в общем, был довольно узким. Было досадно прежде всего из-за того, что терялась оценка очень важных и тонких моментов в научном творчестве Раиля Гумеровича, которые, как мне кажется, я почувствовал, изучая подробно его биографию и труды.

Риф Исмагилович Якупов – профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; e-mail: jakob_rif@inbox.ru

Юбилей прошел. Спустя год Р.Г. Кузеев заболел. Болезнь была тяжелой, но он, как много раз в своей жизни, демонстрировал нестигаемую силу воли, борясь одновременно и с болезнью, и с непониманием вчерашних друзей, и с безразличием коллег. Нарушенную речь он восстанавливал как первоклассник, заучивая заново слова. При этом он продолжал работать и мыслить – у него появлялись новые идеи, которые он пытался передать, и расстраивался, когда не мог этого сделать.

В 2005 г. Раиль Гумерович скончался. С тех пор многое изменилось. Дело, начатое им, продолжается; этнография Южного Урала и Башкортостана, у истоков которой стоял именно он, активно развивается. Музей, созданный им и размещенный в свое время на первом этаже жилого дома, стараниями коллег и учеников теперь переехал в новое здание – именно такое, о каком Р.Г. Кузеев и мечтал. Этнологический центр, основанный им, обрел статус института. И в этом процессе преобразования приняли участие все ученики и коллеги Раиля Гумеровича. Но, надо сказать правду, это было бы невозможно сделать без того прочного фундамента, который заложил сам учитель.

После кончины Р.Г. Кузеева о его деятельности уже достаточно много написано. И я (уже искушенным взглядом) замечаю, как повторяется информация. В некоторых контаминациях, безусловно, нужных, нахожу и собственные мысли, высказанные в упомянутой выше статье. Только вот контекст уже не тот и акценты расставлены не там. Так мне кажется...

И сегодня, в преддверии очередных Кузеевских чтений, организуемых стараниями Института этнологии УНЦ РАН, я, размышляя над тем, что можно было бы сказать и сделать в нынешних условиях, дабы и свои чувства выразить, и в то же время точнее отразить вклад Р.Г. Кузеева в этнологическую науку России, пришел к мысли взять материал той самой статьи и, дополнив, представить его более широкому кругу читателей. Очень надеюсь: цель будет достигнута и читатель увидит в данном материале то, на что раньше не обращал внимание. А главное, смысл публикации будет реализован, если она напомнит коллегам и расскажет новым поколениям исследователей о заслугах одного из крупных этнографов России второй половины XX столетия.

* * *

Основы отечественной этнографии закладывались в XVIII столетии. Россия-Евразия была в то время terra incognita для всего мира, да и для самих россиян. В 1730–1780-е годы Петербургской академией наук были осуществлены беспрецедентные и долгосрочные экспедиции, охватившие территорию империи от Балтики до Тихого океана. В результате увидели свет первые описания народов континентальной Евразии, сделанные учеными. Появились и первые фундаментальные регионоведческие труды о Поволжье, Урале, Сибири, Дальнем Востоке. Одной из наиболее полных и систематизированных для той эпохи работ следует признать этнографическое исследование И.Г. Георги “Описание всех в Российском государстве проживающих народов...” (Берг 1949: 911; Гнучева 1940: 28; Георги 1799).

Затем последовал этап накопления информации и источников. Одновременно этнография определяла свои предметные границы, понятийный аппарат, методологии. Российская этнографическая наука шла по пути, начертанному европейской философской мыслью (Пытиш 1890; Рубинштейн 1949: 317). Настоящий прорыв наступил в начале XX столетия и особенно, этого нельзя не заметить, в послереволюционные годы¹. В то время в России были созданы новые этнографические институты и центры, формировались кадры профессиональных этнографов. Весьма важно, что в процесс этнографических изысканий включались представители разных народов России. Иначе говоря, начался процесс их научного самопознания (Якупов 1998: 144–153). Естественно, одними из главных в исторической этнографии того периода были проблемы этногенеза, интенсивная разработка которых стала особенно активна в послевоенные десятилетия.

Сегодня существует еще целый ряд мало изученных и дискуссионных вопросов этногенеза, есть и разное понимание самих этнических и этногенетических проблем. Но в целом в XX столетии впервые была создана письменная история всех народов России, отразившая и этническую историю, и историю культуры, и современные этнические процессы.

В настоящее время отечественная этнография (этнология) переживает переломный момент обновленного осмысления своего предмета (*Филипова, Филипов* 1992: 3–17, 1993: 3–11). Три главных направления, на наш взгляд, определяют этот противоречивый процесс. Первое – углубленное изучение деталей этнической истории и традиционной (доиндустриальной) культуры народов России. Второе – осмысление принципов равновесия этноса и культуры, изучение механизмов жизнеспособности этносов. Третье, прикладное направление – исследование синхронных этносоциальных и этнополитических событий и явлений. Между названными направлениями, разумеется, нет жестких границ. Более того, в рамках каждого из направлений рождаются новые векторы, которые могут обретать самостоятельность и даже становиться субдисциплинами. В совокупности эти факторы и обеспечивают устойчивость системы научных представлений, на которых базируется этнографическая (этнологическая) наука.

Есть, однако, одно несомненно слабое звено в развитии отечественной этнологии. Рассматривая историографию России, обнаруживаем считаное количество работ, в которых выражено стремление показать обобщенную картину истории и культуры российских народов, даже отдельных регионов. Этот недостаток играет не последнюю роль в бурном расцвете “новейшей мифологии” в этнической истории.

Одним из исследователей, посвятивших свое творчество целостному осмыслению этнической истории континентальной Евразии, является Раиль Гумерович Кузеев. Анализ его опыта исследований в указанной области и посвящается эта статья.

Принципы научной историографии требуют упоминания о том, что становление Р.Г. Кузеева как этнографа связано с именами исследователей С.П. Толстова, Н.Н. Чебоксарова, С.А. Токарева, И.М. Потехина, С.М. Абрамзона и других, т.е. с той классической школой, которая сложилась в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР в первой половине прошлого века. Опыт полевой этнографической работы Р.Г. Кузеев приобрел в масштабной Среднеазиатской экспедиции АН СССР, учебный отряд которой под руководством С.М. Абрамзона работал на Тянь-Шане.

Ранние работы Р.Г. Кузеева посвящены башкирскому народу. Но в них обнаруживается особый взгляд ученого на историю вообще и этническую в частности. Изучение родоплеменного состава башкир в XVIII в. (кандидатская диссертация Р.Г. Кузеева) строится на анализе материалов и источников по широкому ареалу от Центральной Азии до Европейской России в хронологии: I тысячелетие до н.э. – II тысячелетие н.э. (*Кузеев* 1954). Основная идея представленного в диссертации анализа и последующих изысканий будет позже сформулирована в монографии “Историческая этнография башкирского народа”. Р.Г. Кузеев отмечает, что “история Башкирии (и башкир) может быть глубоко изучена лишь в тесной взаимосвязи с историческими процессами того мира, частью которого она являлась; это огромный тюрко-угорский мир, охвативший Среднюю Волгу, Приуралье, Южный Урал, Западную Сибирь, часть Северного Кавказа, Причерноморье, Прикаспий”; история башкир во всей полноте может быть понята “только в связи с историей политических организаций, которые создали здесь печенеги, огузы, булгары, хазары, кипчаки, монголы, с историей Золотой Орды и возникших затем феодальных государств”.

В представленной формулировке находит выражение кредо ученого, стремящегося постигнуть взаимосвязь явлений истории и культуры, пространства и времени. Обратим внимание, что для него постижение истории во всей полноте означает изучение общественного строя (социальная история), этнических процессов (культура, со-

знание, язык), политических событий (история государства, историческая фактология как форма выражения культуры) (Кузеев 1978: 6–7).

В другой монографии Р.Г. Кузеев подчеркивает, что “изучение современных этнических процессов (как правило, пространственно-структурных) всегда нуждается в дополнении исследованиями этнических общностей в историко-генетическом плане”. Эти идеи, высказанные в цикле работ Р.Г. Кузеева о башкирах, несомненно, касаются этнической истории в целом. Сам автор выражает эту мысль так: “Этногенетические исследования, реконструкция древних, средневековых и более поздних этапов истории позволяют показать, что все современные народы имеют этнически смешанный состав, что их культуры – результат сложнейшей эволюции, что взаимодействие и сближение этносов и их культур всегда были объективной реальностью...” (Кузеев 1974: 5–8).

Догадки всегда требуют подкрепления фактами, определяющими их жизнеспособность. Р.Г. Кузеев не только строит свои выводы на нарративных и документальных источниках и синхронных полевых наблюдениях, но и проверяет их на материалах этнографии (родословные, народные предания, эпические произведения), народного искусства, ономастики, социальной истории, исторической географии.

Для этого Р.Г. Кузеев вместе с коллегами осуществил в 1960–1970-е годы специальный анализ башкирских *шежере*, башкирского декоративного творчества, ономастики Поволжья и Южного Урала (*Авижанская и др.* 1968; Декоративное творчество 1979; Башкирские... 1960). Эта работа дала начало целому ряду направлений в этнографии и источниковедении Волго-Уральского региона. По мнению одного из учеников Р.Г. Кузеева, впоследствии его соратника и коллеги, выдающегося ученого Н.В. Бикбулатова, «труд “Происхождение башкирского народа” стал базой для развития исследований по истории народов, их языков и культур в Урало-Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии, Казахстане, Западной Сибири. В настоящее время не только в Башкирии, но и в научных центрах Средней Азии и Казахстана, Сибири, на Кавказе, в Поволжье, в Москве и С.-Петербурге едва ли найдутся издания по проблемам этногенеза и этнической истории, фольклора, диалектологии и истории языков народов Евразии, в которых не были бы использованы результаты исследований Р.Г. Кузеева» (Бикбулатов 1996: 3–11).

Занимаясь разработкой проблем этнографии башкирского народа, Р.Г. Кузеев постоянно обращается к вопросам этнической истории Евразии. Постепенно раскрываются подробности этнической истории континента, ее детерминированность природно-географическими факторами, особенностями социальной организации и систем жизнеобеспечения кочевников и земледельцев раннего средневековья. Это заставляет Р.Г. Кузеева подробно изучать номадизм. На материале нарративных источников и полевых наблюдений он обнаруживает принцип сезонной цикличности передвижений тюрков-кочевников в пределах обширных территорий от Саяно-Алтая до Южного Урала, значительно облегчающий понимание сложных генетических процессов, происходивших в их среде. Шаг за шагом устанавливаются исторические культурные связи тюрков Среднего Поволжья и Южного Урала с народами Центральной Азии, Кавказа, Сибири, Причерноморья, Прикаспия.

Впоследствии эти наблюдения приведут ученого к проблеме историко-культурного районирования. В этнографии 1960–1970-х годов одним из способов классификации был “хозяйственно-культурный” (ХКТ), отражающий этнокультурную картину мира, ранжируя народы по особенностям систем жизнеобеспечения и уровню развития производительных сил. При всей своей эмпирической ценности хозяйственно-культурная типология объясняет, скорее, стадийное развитие материальной культуры этносов, нежели конкретные этнокультурные процессы. Но эта классификация малопродуктивна для объяснения эволюции всех параметров этнической культуры во времени и в пространстве. Понимая это, Р.Г. Кузеев настойчиво внедряет в научный оборот такое понятие, как историко-этнографическая область (ИЭО).

Само понятие ИЭО, или ИКР (историко-культурный регион) и ИКП (историко-культурная провинция), разрабатывалось М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым в середине 1950-х гг. (*Левин, Чебоксаров 1955*). Еще ранее об особенностях регионального культурогенеза размышлял один из наставников Р.Г. Кузеева – С.П. Толстов. Ценные идеи в развитие концепции ИЭО, как и ХКТ, внес С.А. Токарев. При этом все авторы в качестве яркого примера формирования и развития ИЭО называли Урало-Поволжье.

Но Р.Г. Кузеев в силу своего интереса к сложным проблемам этногенеза башкир глубоко проникся пониманием невозможности этногенетических процессов без взаимодействия различных этнических и культурных компонентов. Именно эти, в общем не новые понятия – взаимодействие и историко-этнографический регион – он развил до совершенства и наполнил конкретным эмпирическим содержанием. Кстати, вслед за М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым, считавшими понятие историко-этнографической области категорией сугубо исторической (преходящей) (*Левин, Чебоксаров 1955: 10–11*), Р.Г. Кузеев именно благодаря разработке проблем взаимодействия пришел к выводу, что историческим (постоянно изменяющим свои параметры культуры) следует считать и этнос.

На просторах Евразии он выделяет ряд этнокультурных провинций, в пределах которых исторически складывались взаимосвязи и взаимовлияния народов, принадлежавших к различным языковым семьям и имевших в более ранние эпохи разнообразные генетические связи (*Кузеев, Гарипов 1981: 59–63*). В пределах историко-культурных областей в процессе их исторической эволюции складывались общерегиональные особенности культуры, равно присущие всем взаимодействующим народам и в известной степени объединяющие их.

В начале 1960-х годов возобновилось обсуждение теории “башкиро-мадьярского родства”. Р.Г. Кузеев принял в этой дискуссии самое активное участие (*Кузеев, Гарипов 1962: 336–343*). В связи с этим он расширяет традиционный объект собственных изысканий. В орбите внимания ученого теперь оказываются тюркские и финно-угорские народы, территории Западной Сибири, Урала и Восточно-Европейской равнины. Пригодился опыт, полученный в ходе изучения истории присоединения Башкирии к Московскому государству и этнокультурных процессов нового времени в тюркской, финно-угорской и восточнославянской среде. Полезными оказываются и результаты этнической реконструкции доисторических эпох – данные археологии, в которые Р.Г. Кузеев активно вникал, будучи редактором серии “Археология и этнография Башкирии” и ряда других интегративных изданий конца 1950-х–1970-е годы. Все это позволяет исследователю подойти к серьезным обобщениям о характере и особенностях этнических процессов, происходивших в Волго-Уральском и соседних с ним регионах с глубокой древности до нового времени.

В 1985 г. выходит в свет книга “Народы Поволжья и Приуралья (историко-этнографические очерки)”. Идея проекта принадлежит Р.Г. Кузееву. Им же совместно с В.В. Пименовым (МГУ) написано концептуальное введение к книге. Здесь, кроме всего прочего, впервые представлена в обобщенном виде этническая история неславянских народов Европейской и отчасти Азиатской России. Р.Г. Кузеев выделяет шесть этапов развития Волго-Уральской ИЭО в хронологических рамках четырех тысячелетий (*Народы... 1985*). Открывается картина генезиса и распада племен – носителей археологических культур от Прибалтики до Дальнего Востока, этногенеза, этнической истории и взаимодействия исчезнувших и вновь родившихся народов: мери, муромы, мешеры, буртасов, черемисов (мари), мордвы, мадьяр, болгар, вотяков (удмуртов), чувашей, казанских татар, мишарей, башкир, коми-зырян, коми-пермяков, этнографических групп русского населения. Устанавливаются связи этносов Волго-Уральского региона с народами иных историко-культурных провинций, определяется значение изучаемой территории в истории Евразии.

Вместе с тем в названной работе, пожалуй, впервые в своем творчестве Р.Г. Кузев обращается к проблемам современности. С этого момента синхронные этнические процессы становятся объектом его постоянного внимания. С середины 1980-х Р.Г. Кузевым написано несколько десятков работ по этнической истории Волго-Уральского региона нового и новейшего времени. В них рассматриваются конкретные исторические события, их этнокультурные предпосылки и последствия (*Кузев, Бабенко* 1988: 3–15; *Историко-этнологический...* 1994: 116–130).

К концу 1980-х годов назревает необходимость подведения очередного итога целенаправленных исследований по этнической истории. Осознавая это, Р.Г. Кузев задумывает изложить целостный этногенетический взгляд на историю и современность Волго-Уральско-Сибирского региона – обширной зоны контактов финно-угорских, тюркских и славянских народов. Ретроспектива исследования достигает трехтысячелетней древности. Но для осуществления проекта недоставало дальнейшей разработки одной очень важной теоретической проблемы – этнической таксономии. Суть вопроса заключается в том, что континентальная Евразия и отдельные ее регионы отличаются чрезвычайной пестротой субэтнических общностей. Крупных этносов, внесенных в официальный список национальностей, по современным оценкам, около 200. Но каждый этнос имеет ряд подразделений, сформировавшихся под влиянием разных факторов и потому имеющих разную степень соотношения с этническим ядром. К примеру, русские. Установлено существование территориальных южной и северной этнографических групп русского населения, плюс староверы и казаки, плюс региональные группы русских на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, плюс диаспорные группы русских в ближнем и дальнем зарубежье. Своеобразие названных групп определяется не только (и не столько) степенью территориальной удаленности от центра. В основе этнокультурных и языковых отличий здесь лежат и географические, и конфессиональные, и социальные, и собственно культурные факторы. Их соотношение и влияние на культуру всего этноса – важнейший вопрос для понимания истории и современных этнических процессов России. В Волго-Уральском регионе мозаичность этносов еще более заметна, и Р.Г. Кузев уделяет особое внимание этому вопросу (с теоретической и конкретно-исторической точек зрения). В конце 1980-х – начале 1990-х годов он посвящает себя разработке проблем так называемых малых этнических общностей (МЭГ). С этой целью в Уфе по его инициативе была организована международная конференция “Этнос и его подразделения”. Она существенно продвинула не только собственные исследования Р.Г. Кузеева в указанной области, но и понимание проблемы малых этнических общностей в целом в российской этнологии (*Кузев, Бабенко* 1989; *Кузев* 1992: 3–15).

Теперь, кажется, все было готово для обобщения накопленных знаний и материалов, и в 1992 г. Р.Г. Кузев издает книгу “Народы Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю”. Территориальные рамки этого исследования выходят далеко за пределы области, обозначенной в титуле монографии. В книге прослеживается путь генезиса уральской общности, древних тюрков, их ранние контакты с индоиранской и другими языковыми общностями. Без этого, полагает Р.Г. Кузев, невозможно понять причины устойчивости этнополитических союзов, каковыми были в пределах континента сарматская, гуннская, тюркская, хазарская, тюрко-монгольская и, наконец, российская империи. Очевидно, что во всех названных этнополитических союзах действующими лицами истории были одни и те же этнические компоненты. Они взаимодействовали, трансформировались, переходили из одного этнокультурно-социального состояния в другое. Именно об этом книга Р.Г. Кузеева.

Логическую структуру работы отлично уловил редактор журнала “Евразия” востоковед, проф. С.А. Панарин, отмечая в своей рецензии, что книга Р.Г. Кузеева может быть условно разделена на две самостоятельные части: теоретическую и конкретно-историческую. Добавим, что, собственно, без обращения к вопросам теории этнологические обобщения вообще едва ли возможны.

Изложив подробности этнической истории архаичных народов Центральной Азии, Сибири, Урала, Поволжья, Среднерусской равнины и их современных потомков, Р.Г. Кузеев рисует схему непрерывных связей финно-угров, тюрков, позже восточных славян в Волго-Уральском регионе. Связь эта не только устанавливается историческими событиями и выражается в соседстве, но отражается, как показано в книге, непосредственно в культуре каждого из взаимодействующих народов. Причем это взаимодействие, весьма глубокое, со временем становится все более интенсивным, что способствует изменению параметров культуры, возникновению новой этнокультурной ситуации, новых этнических единиц. Отсюда вывод: этнос не константное явление, этнос – процесс. Его границы и скорость эволюции всегда подвижны и неодинаковы в различные эпохи. Движение этноса, его языка и культуры не ощущается в каждый отдельно взятый отрезок времени, этот процесс осмысливается только в сравнительно-историческом (в данном случае этногенетическом) взгляде на прошлое и настоящее.

Трудно судить, что важнее в книге Р.Г. Кузеева – целостная реконструкция этногенеза и этнической истории сотни крупных и малых этнических единиц или разработка теоретических аспектов в понимании этноса. Тот же С.А. Панарин по данному поводу замечает: “Книга Р.Г. Кузеева, несомненно, близка жанру нарративной истории: приводится множество конкретных фактов этнической истории, располагаются они в строгой хронологической последовательности, по крупным историческим периодам, в рамках каждого периода дается синхронистическое описание разных народов, все это делает книгу подлинной энциклопедией этнической истории Волго-Уральской ИЭО”. Но все же рецензент более ценит не фактологическую, а эвристическую сторону книги Р.Г. Кузеева. «Не знаю почему, – пишет он, – но у меня впечатление, что Р.Г. Кузеев скоро напишет новую одножанровую книгу и будет это именно теоретическая работа... И даже соблазняюсь названиями ее глав типа: “Текущий этнос”, “Этногенез и культурогенез”, “Этничность и сословность”. Представленная в консолидированном виде, эта теоретическая работа нанесет сильный удар по расцветшему пышным цветом наукообразному мифотворчеству...» (Панарин 1995: 179–187).

Г.Е. Марков (МГУ), С.А. Панарин (Институт востоковедения РАН), С.Г. Кляшторный (ИВ РАН СПб.), Р.З. Янгусин (Белорусский государственный университет), Т.М. Гарипов (Белорусский государственный педагогический университет), М. Балзер (США) и многие другие проявили редкое единодушие в оценке вклада автора книги в отечественную и мировую этнологию. Квинтэссенция этой оценки заключается в процитированном выше отзыве.

Значение результатов исследования Р.Г. Кузеева определяется и его эмпирической базой. Долгие десятилетия исследователь накапливал материалы и источники. Важность этой работы он понимал всегда, утверждая, что поиск источников – “коренная проблема” историографии (Кузеев 1978: 7). Но не меньшее значение придает Р.Г. Кузеев выбору методики исследований: “Основным направлением повышения эффективности этнографических источников и объективности исторического повествования является расширение рамок исследования как в плане территориальном, так и хронологическом. Соответственно необходимо привлечение разнообразного сопоставимого материала, установление на его основе преемственных и иных связей между удаленными друг от друга территориями или временем, фактами и событиями”. В этом Р.Г. Кузеев видит одно из важнейших условий реализации комплексного подхода к изучению этногенетических проблем, который ученый трактует “не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов” (Кузеев 1974).

Не случайно Р.Г. Кузеев всегда содействовал развитию региональной и общероссийской археографии, был инициатором создания Южноуральского отделения архео-

графической комиссии АН СССР. Комиссией, работу которой он и возглавил, обнаружены и изданы тысячи исторических документов средневековья и нового времени, опубликованы десятки научных сборников и монографий по источниковедению и археологии. Комиссия продолжила работу по изданию “Материалов по истории Башкирии”, начатую еще в 1930-е годы.

Применяя комплексный подход к этнографическим исследованиям, Р.Г. Кузеев вместе с коллегами-специалистами участвует в коллективных работах в области языкознания, археологии, географии, фольклористики, психологии, социально-политической истории, социологии, политологии, популяционной генетики. Всякий раз подобное сотрудничество оказывается новаторским.

Так, с середины 1980-х годов в этнографию активно проникают новые методики количественных измерений параметров культуры (этносоциология). Но по мере утверждения этносоциологии и оформления ее в самостоятельную отрасль этнологии использование статистического метода незаметно стало вытеснять такие традиционные классические формы работы этнографа, как наблюдение, адаптация (длительное пребывание исследователя в изучаемой этнокультурной среде) и др. Некоторые современные исследования, основанные исключительно на статистических материалах, заметно искажают этнографическую картину. Р.Г. Кузеев одним из первых обратил на это внимание, предложив непременно коррелировать данные синхронных этносоциологических исследований с материалами классической этнографии, данными исторической этнографии, отражающими характер и особенности взаимодействия народов в пределах заданной географической ниши (История и социология... 1994).

В 1970-е годы в физической антропологии стали применять методы популяционной генетики. Сегодня использование этих методов кажется специалистам естественным. Более того, утверждается традиция, при которой данные генетики воспринимаются гуманитариями как совершенно достоверные. Р.Г. Кузеев же, сам будучи пионером интеграции точных и гуманитарных наук, и здесь не сторонник абсолютизации. Несмотря на то что популяционно-генетические исследования подтверждают его собственные выводы по этнической истории народов Волго-Уральской ИЭО, Р.Г. Кузеев допускает использование этих данных только как одних из множества источников информации (Волго-Уральский регион 1987: 6–19).

Жаль, что в отечественной историографии не принято публиковать отзывы на диссертации, по крайней мере, на докторские. Официальные отзывы Р.Г. Кузеева – особый аспект его научного творчества, помогающий лучше понять глубину знаний и взгляды ученого. В своем личном архиве Р.Г. Кузеев в нескольких папках аккуратно сохранял отзывы на кандидатские и докторские диссертации по этнографии, археологии, социальной истории калмыков, киргизов, казахов, каракалпаков, узбеков, таджиков, башкир, ногайцев, русских, монголов, а также по медицине, психологии, педагогике и другим отраслям науки. Так, анализируя работы по истории кочевых народов, Р.Г. Кузеев настойчиво обращает внимание исследователей на проблему отношений собственности. Имеется в виду, что социальные и этногенетические процессы тесно взаимосвязаны, поэтому всякие социальные изменения в этнических сообществах неизменно влекут за собой изменения конфигурации этнических параметров и границ, могут также интенсифицировать процессы консолидации или, наоборот, распада этносов. Социально-экономические отношения влияли, в частности, на переход от родоплеменных объединений к макроэтническим.

Рассмотрение проблемы взаимообусловленности социальных и этнических процессов приводит Р.Г. Кузеева к обобщениям об особенностях этнической истории России. В отзыве на докторскую диссертацию Н.Н. Алеврас он, например, подчеркивает парадоксальность социально-политической истории России, заключающуюся прежде всего в разнообразии форм социальных и экономических отношений, складывавшихся в различных регионах, “в недоразвитии социальных образований”, “в незавершенности социального и этнического синтезов”.

В процессе обсуждения работ своих коллег Р.Г. Кузеев высказывает целый ряд совершенно новых идей и формул. Например, он говорит о возможности существования и развития обычного права в условиях развитой государственности, т.е. параллельно и одновременно с государственным правом. Касаясь проблем историографии, Р.Г. Кузеев обращает внимание на то, что в России конца XIX в. формировалась “культурно-историческая школа”, но революционные и последовавшие за ними события прервали развитие этого направления в исторической мысли. Отсюда и огромная масса ошибок историографии советского и постсоветского периодов и некоторые наши искаженные представления о прошлом.

Автору этих строк затруднительно подводить итог сказанному выше. Едва ли это уместно сегодня. Возможно, когда-то это сделает сам Р.Г. Кузеев в книге, которая соединит в себе жанры научной историографии и литературного повествования очевидца грандиозных событий двадцатого века. Это будет именно та книга, которая нужна новым поколениям историков.

Уфа, 2000 год.

* * *

К сожалению, Раиль Гумерович не успел написать эту книгу. Однажды мы беседовали на тему этноса, и в конце разговора он посетовал на нехватку времени, загруженность политическими и административными заботами, связанными с музеем. Говорил, что так хочется все бросить и засесть за творческую работу над книгой “Этнос и история”, завершить начатые разработки по башкирским тамгам и шежере. «А знаешь ли, – добавил он, – потом я хотел бы подвести итоги... В книге... “Этнография и моя жизнь”... А!?» И своим знаменитым жестом запустив раскрытую ладонь в роскошную седую прядь и задержав ее там, сказал: “У меня ведь все эти книги уже написаны здесь (в голове)!” И засмеялся ...

И еще. Можно было бы здесь сказать о том, какое большое количество трудов написано Кузеевым, какое множество всевозможных наград он имел, сколько воспитал кандидатов, докторов наук. Но, думается, на фоне собственно научного вклада цифры не так значимы. Недаром же сам Кузеев говорил: “У ученого самое высокое звание – профессор”. Так и любил подписывать официальные документы, хотя был и членом-корреспондентом РАН, и директором научного центра и почетным членом многих академий и обладателем массы иных титулов.

Примечание

¹ Прежде всего имеются в виду труды С.М. Широкогорова (См.: *Shirokogorov* 1924)

Литература

- Авижанская и др.* 1968 – *Авижанская С., Бикбулатов Н., Кузеев Р.* Народное искусство башкир. Л., 1968.
- Башкирские... 1960 – Башкирские шежере. Уфа, 1960.
- Берг* 1949 – *Берг Л.С.* Очерки по истории Русских географических открытий. М.; Л., 1949. С. 911.
- Бикбулатов* 1996 – *Бикбулатов Н.В.* Р.Г. Кузеев – этнолог, историк, востоковед, общественный деятель // Кузеев Раиль Гумерович: Библиографический указатель. Уфа, 1996. С. 3–11.
- Волго-Уральский регион 1987 – Волго-Уральский регион этнокультурного взаимодействия финно-угорских и тюркских этносов // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987. С. 6–19.
- Георги* 1799 – *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.
- Гнучева* 1940 – *Гнучева Ф.В.* Экспедиции Академии наук XVIII–XIX вв. М.; Л., 1940. С. 28.

- Декоративное творчество 1979 – Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.
- Историко-этнологический... 1994 – Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // Язык и национализм в постсоветских республиках: По материалам Междунар. симп. 5–6 марта 1994 г. Чикаго. М., 1994. С. 116–130.
- История и социология... 1994 – История и социология в понимании современной этнокультурной ситуации // Доклад на конференции по бывшим социалистическим мусульманским обществам (Турция, Анкара, 15–18 сентября. 1994 г.) (препринт). Уфа, 1994.
- Кузеев 1954 – Кузеев Р.Г. Родоплеменной состав башкир в XVIII веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Кузеев 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Кузеев 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
- Кузеев 1992 – Кузеев Р.Г. О роли подразделений этноса в этнических процессах // Этнос и его подразделения. М., 1992. С. 3–15.
- Кузеев, Бабенко 1988 – Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Особенности этнонационального развития народов Волго-уральской историко-этнографической области за годы советской власти // Сов. этнография (далее – СЭ). 1988. № 1. С. 3–15.
- Кузеев, Бабенко 1989 – Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР (препринт). Уфа, 1989.
- Кузеев, Гарипов 1962 – Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Башкиро-мадьярская проблема: краткий обзор основных источников // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 336–343.
- Кузеев, Гарипов 1981 – Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. История формирования культурных и языковых границ Волго-Уральской историко-этнографической области // Congressus quintus internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1981. P. 59–63.
- Левин, Чебоксаров 1955 – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4.
- Народы... 1985 – Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985.
- Панарин 1995 – Панарин С.А. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука. 1992. (Рецензия) // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 179–187.
- Пытши 1890 – Пытши А.Н. История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890.
- Рубинштейн 1949 – Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л., 1949. С. 317.
- Филипова, Филипов 1992 – Филипова Е.И., Филипов В.Р. Камо грядеши? // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 6. С. 3–17..
- Филипова, Филипов 1993 – Филипова Е.И., Филипов В.Р. Crede experto (Отечественная этнология сегодня и завтра) // ЭО. 1993. № 5. С. 3–11.
- Якупов 1998 – Якупов Р.М. Этнография народов Башкортостана в 1917–1940 годы: очерк истории // Республика Башкортостан в XX веке. Теория, методология, историография: Сб. научн. тр. Уфа, 1998. С. 144–153.
- Shirokogorov 1924 – Shirokogorov S. Ethnical unit and milieu. A sammory of the ethnos. Shanghai, 1924.

R.I. Yakupov. How the Ethnic History of Eurasia Was Comprehended (Remembering R.G. Kuzeev)

Keywords: Kuzeev, ethnoses, ethnic origins, Bashkir, Turks, Finno-Ugric, Slavic, Volga-Urals historical/cultural region, migrations, ethnic interaction

The article discusses the life and career of Rail' Gumerovich Kuzeev, the author of many scholarly works exploring various historical and cultural aspects of the Volga-Urals region. The year of 2009 would have marked the 80th anniversary of the scholar. The author discusses Kuzeev's many contributions to ethnographic scholarship in Russia.